Вадим Хлыстов
Первая раса. Хозяева
Книга I
Безумец тот, кто ступил на Тропу Хозяев...

Вадим Хлыстов

Первая раса. Хозяева. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18905022

Аннотация

Нечто необычное начинает происходить в гигантской Империи Тукан. Самодержец занят непонятными изысканиями. Чрезвычайно обеспокоен глава тайного конклава человеческих магов и Верховный жрец Бога Смерти. Потревожен покой древней расы Высокородных, с могуществом которых не сможет совладать даже тайный магический орден. Предательство, интриги, отвратительные слухи и… надежда, возникшие, казалось бы ниоткуда, охватили дворец Повелителя. И никто не знает, чем закончится череда событий запущенных странной парой, пришедшей из пустыни в столицу Империи…

Все права защищены законом об авторском праве. Книга не может
быть воспроизведена либо использована в коммерческих целях, как
целиком, так и частично, без письменного разрешения автора.
ISBN 9783000525681.

Автор – Вадим Хлыстов.

Первая раса. Хозяева

Все события, описанные в романе, являются вымыслом автора. Возможное совпадение
имен, местностей, названий городов, стран и событий – просто случайность, не
имеющая ничего общего с реальностью.

Часть I

Пролог

Не бежали впереди глашатаи с тяжелыми дубинами, пронзительно вопя: «Император!
Император! С дороги! На колени!». Не кричали восторженно женщины: «Живи вечно

божественное семя, наш могучий леопард!», оголяя в экстазе груди и поднимая к

палящему солнцу на руках младенцев. Не били оглушительно в огромные барабаны

свирепые, полуголые, иссиня-черные рабы, возвещая о том, что живое воплощение Шу

снизошло до появления перед своими подданными. Не было этого ничего. А было только

стремительное и сосредоточенное движение боевой колесницы, которой сам, без возницы

правил самодержавный владыка Империи Тукан Император Санахт I.

Колесница, в которую были впряжены два быстроногих, громадных осла белой масти, управляемая умелой и тяжелой рукой, неслась по песчаной кромке Великой Зелени к

боевой галере, бросившей якорь в ста имперских локтях от берега. Следом за колесницей

Императора, так же стремительно, двигались боевые колесницы только его ближайших

друзей.

Рванув вожжи, да так, что ослы встали на дыбы, Санахт резко остановил повозку. Вслед за

Императором, так же резко остановились и его друзья. Одним проворным движением, не

смотря на тяжесть бронзовых доспехов, Самодержец спрыгнул с кузова, бросил вожжи и

стрекало подбежавшему воину и быстрым, широким шагом направился к поджидавшей

его большой лодке, в которой не было гребцов. Запрыгнув в нее, он одной рукой поднял

тяжелое весло над головой и нетерпеливо крикнул своим спутникам:

– Я что, должен вас сидеть и ждать, как гусыня на яйцах?

Его друзья, весело смеясь, подбежали и тоже запрыгнули в лодку. Вся компания

расхватала весла, и лодка стремительно ринулась к боевой галере. Делая очередной

гребок, Император склонился к уху сидящего рядом с ним воина в доспехах из тисненой

кожи песчаного буйвола:

– Ты строго проследил за выполнением моего приказа, Амен?

Воин тихо ответил:

– Да, Санахт. Ни одного жреца рядом на день пути…

А приказ Императора был строг и однозначен: «Никакой помпы и славословий. Никаких

лишних глаз». Из-за этого, выезд из Хут-Ка – нынешней столицы Империи Тукан, был

произведен внезапно и ночью четыре дня тому назад, а место, где бросила якорь боевая

галера, на две тысячи имперских локтей было оцеплено личной охраной Самодержца.

Официальная версия отбытия Санахта гласила: «Владыка впал в печаль. В сильную печаль. Воплощение божественного Шу будет утешаться охотой на леопардов и пирами со друзьями в объятиях девственниц из Сарепты и мальчиков из Димашка. Присутствие жрецов, столпов государства, на этой охоте и пирах – будет тяготить Императора, и мешать отвлечься». Для большей доходчивости, каждому жрецу, по традиции входящему в окружение владыки, вместе со свитком из особой, «императорской» хлопковой бумаги, в котором говорилось о причине отъезда Санахта, прилагался остро отточенный бронзовый нож. На его лезвии умелой рукой дворцового оружейника была выгравирована надпись: «Воля воплощения Шу – священна. За ослушание – смерть».

Однако жрецы не были бы жрецами, если бы они не имели глаз и ушей среди самых близких друзей Владыки. Поэтому в этот же вечер, вместе с караваном, ушедшим за провизией в Хут-Ка, несколько человек, совершенно незнакомых друг с другом, везли с собой маленькие листки, на которых коротко описывалось, чем занимается Император.

Через пять дней эти листки оказались в руках жрецов

главных храмов столицы Тукана.

Почти все они, прочитав послание, просто пожали плечами на очередное чудачество

самодержца. Ну, подумаешь, устроил очередную оргию на боевой галере с друзьями. Ему

самое время сейчас беситься. Молод Владыка и кровь горячая. Пожали и забыли, занявшись более насущными делами по управлению государством.

Только два человека в Хут– Ка– верховный жрец храма Тира – Нахти, и верховный жрец

храма Бога смерти Сешта – Ако, прочитав послание, стали немедленно действовать.

Нахти доподлинно знал, зачем на берегу, напротив места отплытия боевой галеры

приказал вкопать Санахт гладко выструганный столб высотой в двадцать ксилонов из

либанского кедра и аккуратно разметить его красной и белой красками. И почему галера, взяв курс на север, отплыв на пять тысяч имперских локтей от берега, повернула назад, при этом останавливалась через каждые сто каннов, по приказу капитана.

Еще раз, внимательно прочитав послание, верховный жрец Тира, поднес листок бумаги к

огню светильника, постоянно горевшего в комнате храма, которую жрец использовал для

секретных встреч с проведчиками. Дождавшись, когда до-

нос догорит до конца, Нахти

хлопнул в ладоши. Спустя мгновенье на пороге комнаты появился начальник тайной

службы храма. Опустившись на колени и глядя в пол, тот тихо, но отчетливо проговорил:

– Я здесь, мудрейший. Указывай.

Нахти, глядя не мигающим взглядом на огонь светильника, приказал:

– Проведчика в Геон к крокодилам. Всех, с кем он сюда ехал – тоже. До завтрашнего

восхода Шу, в личных покоях каждого главного жреца Хут-Ка, в светильниках

обязательно должно быть подмешано масло из трав «Сладкого Забвения» и «Воздушных

грез». Мне надо, что бы они все были уверены, что посвятили последние два дня женам и

наложницам и ничего не помнили кроме этого. Иди.

Когда начальник охраны храма, низко кланяясь, вышел, Нахти поднявшись со складного

табурета, взяв с собой светильник, подошел к задней стене комнаты и в определенной

последовательности нажал на четыре выступа на ней. Раздался чуть слышный скрежет, часть стены отошла, освобождая узкий проход. Верховный жрец бога Тира, не медля ни

мгновенья, шагнул в него и очутился еще в одной комнате, посреди которой, совершенно

казалось бы не к месту, была возведена арка из гладко отполированных камней. Нахти опустился на колени перед этой странной аркой, поставил рядом светильник, вынул из-за пояса набедренной повязки маленький острый кинжал, полоснул им по ладони и кровью смазал каменный порог арки. Затем сел, скрестив ноги и начал вводить себя в транс медитации. Спустя тысячу ударов сердца, его тело сначала покрылось испариной, а потом, вдруг замерцало голубоватыми искрами. Как бы в ответ на эти искры, пространство внутри арки, неожиданно пошло рябью, как поверхность воды от брошенного камня, а потом вспыхнуло таким же голубоватым светом. Кровь с порога быстро исчезла, как ее и не было, и арка после ее исчезновения тут же перестала светиться. Нахти в изнеможении повалился на пол, тяжело и прерывисто дыша. Он выполнил свой долг, ради которого уже триста разливов Геона, то, уходя в тень, то опять выдвигаясь на первый план, оставался главным жрецом Бога мудрости Тира. Теперь главы его Дома, по крови Нахти узнают, что произошло в Империи Тукан, и получат сигнал тревоги и вызова…

***

Ако, верховный жрец храма Сешта, прочитав послание, повел себя необычно. Он вначале

грязно выругался почему-то в свой адрес, называя себя странным словом – хезур, потом

все же взял себя в руки, успокоился, поставил перед собой длинную восковую свечу, размеченную через равные промежутки красной краской, и зажег ее. Сел напротив

скрестив ноги и начал чего-то терпеливо ждать, размеренно перебирая четки. Когда свеча

догорела почти до конца, в дверь кельи, в которой сидел жрец, кто-то тихо поскребся. Ако

оторвал задумчивый взгляд от маленького пламени и тихо произнес:

–Входи, старший ученик.

Дверь бесшумно отворилась, и в келью проскользнул невзрачный молодой мужчина, одетый как простой ремесленник. Он сел напротив жреца и выжидательно на него

посмотрел.

Ако коротко кивнул ему:

– Рассказывай.

Пришедший мужчина достал такие же четки, как и у главного жреца и с сосредоточенной

угрюмостью перебрал несколько бусин:

– Это наконец случилось, учитель. Впервые, за триста раз-

ливов Геона, в Хут-ка, в храме

Тира, его Верховным жрецом, творилось не наше колдовство, а тяжелая, злобная волшба.

Волшба – замешанная на крови! Нахти кого-то настойчиво вызывал. Но кого, я так и не

понял. И это была не человеческая волшба. Вокруг остальных храмов оставалась

магическая тишина.

– Почему ты решил, что волшба была не человеческая?

– У нее другой рисунок. Человек-маг не может создать такой противоестественный узор.

Меня чуть не вывернуло наизнанку от его ненормальности, хотя я и находился в ста шагах

от храма. И кровь, которую использовал неизвестный маг…

– Что, кровь, Кеб? Отвечай быстрей!

– От нее простаки разило зверем, и в то же время человеком. Жуткое сочетание.

– Ты полностью в этом уверен?

– Да, учитель. Я не ошибаюсь.

Лицо Ако закаменело и пошло пятнами:

– Передашь охране: храм Сешта немедленно закрыть. Совсем. На ночь в храмовый сад и

двор выпустить сторожевых леопардов. За любым, кто попытается проникнуть в храм –

следить неотступно, но не убивать. Обязательно выяс-

нить, зачем он это сделал. До моего
особого распоряжения не принимать никаких подношений от паломников и жителей
столицы.

Он порывисто поднялся, открыл сундук, стоящий возле стены, вынул из него двенадцать
потемневших от времени деревянных браслетов и протянул их ученику:

– В каждые ворота города, с этого дня поставить по два наших человека, на руки, которых
будут надеты эти браслеты. Люди возле ворот должны находиться денно и нощно. Когда
пройдет или проедет некто, не важно, кто это будет, мужчина или женщина, раб или
господин и браслет, внезапно станет горячим, немедленно сообщить мне. За храмом Тира
и его верховным жрецом установить наблюдение. Но никакой магии при этом не
использовать. Предупреждаю, это очень опасно. Очень. Сохранять предельную
осторожность. Предельную. Зашевелились силы, с которыми мы можем не совладать.

Старший ученик, забрав браслеты, внимательно, снизу вверх посмотрел на жреца:

– Учитель, чего или кого вы так опасаетесь?

Ако тяжело и безнадежно вздохнул:

– Кеб, мальчик мой, ты не должен был ни в коем случае допустить того, что сейчас делает

Повелитель на боевой галере с друзьями. Ни в коем случае, понимаешь?! Слишком все это

не вовремя, и не к месту. Но происшедшего, к сожалению не воротишь. Великий Шу

может плыть в своей ладье по небу только с востока на запад …

Поэтому я не опасаюсь, Кеб. Я теперь до дрожи в руках боюсь, что в Хут-Ка явятся

настоящие Хозяева этой земли. И да поможет тогда Сешт Императору Санахту с его тягой

к знаниям и нам, его охранителям …

***

Если поставить одно, в рост человека, идеально отполированное серебряное зеркало

напротив такого же, по бокам у первого зажечь две свечи, или два факела, а потом встать

между зеркалами, то можно увидеть удивительный зеркальный коридор из отражений, по

краям которого мерцает множество огней. Однако эти идеальные зеркала простому

смертному поставить безупречно параллельно никогда не удастся. Поэтому последние

ряды отражений обязательно изогнутся, светящийся зеркальный коридор как бы уйдет «за
угол». Вот там, за этим углом начинается то, что называется Тропой или – Дорогой.

Именно так, эти два слова и следует произносить – с заглавной буквы. Сам по себе
зеркальный коридор может быть безобиден, но не эта Тропа – Дорога.

При должном стечении обстоятельств, выполнении определенных ритуалов, а главное –
наличие в крови частиц кода некой расы, любой человек может сначала войти в
мерцающий коридор, а потом встать и на саму Тропу. Но помни, безумец, что ступив на
Тропу, ты очень рискуешь. Очень. Ты ночью опрометчиво вышел гулять в пустыню из
зыбучих песков, полную гнусных бандитов и по которой рыскает, алча не только твоей
крови, но и то, что люди называют «душой», множество тварей, которых ты не видел даже
в самых страшных снах.

Там, на Тропе, за каждым ее поворотом все может мгновенно и непонятно почему
измениться. Ночь превратиться в день, небо из голубого стать оранжевым или зеленым, луна молниеносно исчезнуть, а звезды приблизятся, их станет бесконечно больше, и они

сложатся в причудливые созвездия, которые люди никогда не видели. Да и сама Тропа

постоянно меняется. То она едва видная тропинка среди барханов песка, то просека среди

мрачного леса, потом очередной поворот и решивший стать на эту Тропу человек шагает

по дороге из громадных черных плит идеально подогнанных так, что и листа бумаги

между ними невозможно вставить. И идет эта дорога по берегу лилового моря, ветер с

которого почему-то пахнет увядшими цветами.

За очередным поворотом, безумца ступившего на Тропу, может ждать лежащий на скале

зверочеловек с телом льва, крыльями сокола и глазами полными бесконечной грустной

мудрости на прекрасном женском лице. Он никого, этот зверочеловек, не пропустит не

заставив отгадать его загадку. Никого и никогда. Ему просто скучно и сидит он на этой

скале бесконечно долго. Никто не знает, кто и зачем поместил это существо на скалу и

приковал несокрушимой серебряной цепью… А когда Тропа, в виде лесной просеки, неожиданно свернет направо или налево, то на ветках последних деревьев мрачного

черно-зеленого леса могут сидеть громадные птицы с очаровательными женским

головами, которые так нежно поют, что невозможно пройти мимо не остановившись. И

тогда все. Конец путешественнику. Им, этим существам, не нужно тело бродяги

осмелившегося ступить на Тропу. Им нужна его душа. Это их пища. После этих песен, за

очередной поворот уходит уже нелюдь, зомби, навь, которую на еле видной тропке среди

серых песчаных барханов ограбят и убьют необычные существа – с туловищем осла и

торсом мужчины. Они без промаха стреляют из огромных луков стрелами, могущими

разить даже тех, кого люди в легендах называют бессмертными. И это только ничтожная

часть опасностей Тропы – Дороги от существ, которых можно назвать живыми.

Самое страшное для простого человека ставшего на Тропу то, что она постоянно

разветвляется, и на ней иногда лучше умереть от стрелы убивающей даже бессмертных, чем дойти до конца одного из ответвлений. Такая ветвь Тропы может закончиться снова

светящимся зеркальным коридором, который решился создать сумасшедший искатель

новых ощущений в каком-то мире, или оборваться напротив некой арки мерцающей

голубоватым светом. Там, за этим светом, может оказать-

ся не просто другой мир, а его

изнанка. Тень. Замирье. Обратная Сторона. И там, в этом Замирье, тоже есть своя

бесконечно разветвляющаяся Тропа-Дорога, на которую можно ступить юношей, а сойти

глубоким стариком всего через несколько ударов сердца.

Вот почему Верховный жрец Бога мудрости Тира – Нахти благоразумно не стал входить в

арку, призрачный голубоватый свет в которой он создал кровью и медитацией. Он

доподлинно знал, что ему грозит и где он может оказаться без Проводника на Тропе.

По какому-то причудливому стечению обстоятельств, или это действительно было так

задумано, кровь Верховного жреца, исчезнув с порога арки, блестящими алыми каплями, помчалась вдоль Тропы – Дороги. Пролетев бессчетное количество ее ответвлений, несколько раз оказавшись даже на изнанке самой Тропы, ее Тени, алые капли наконец

решительно прошли через один из арочных проходов, но на изумление в том же мире из

которого их послали, и как бы в задумчивости стали кружить. Было такое впечатление, что они внимательно оглядывают место, в которое попали. А перед ними простиралась

зеленеющая горная долина, даже скорее – сад, посредине которой стоял громадный дворец

– крепость.

Для человеческого восприятия этот дворец-крепость возводил явно безумный архитектор

и не менее безумные, но невероятно талантливые строители. Колоссальные черные

гранитные блоки, из которых его построили, были не просто положены друг на друга и

связаны раствором. Нет, никакого раствора и не было. Используя какую-то технологию, строители сначала гранит превратили в нечто мягкое и аморфное, склеили, а затем опять

позволили ему приобрести первозданную твердость. По форме дворец напоминал

усеченную трехгранную пирамиду у которой под углом очень ровно срезана верхушка.

Окна этого строения были вытянуты длинными овалами и располагались в несколько

рядов только ближе к верху пирамиды, а зайти в саму крепость можно было лишь через

единственные несокрушимые ворота со сложным узором на металлической поверхности, напоминающим то ли тонкие письмена, то ли каллиграфический рисунок.

Однако весь этот комплекс из долины-сада и дворца-крепости, не смотря на величие и

пусть не человеческую, но красоту, производил впечатление некой запущенности и

покинутости. Он чем-то напоминал дом, в котором когда-то жила немалая семья, но затем, под давлением обстоятельств и времени, большая часть семьи этот дом покинула и не

вернется в него уже никогда. А оставшиеся члены этой семьи, позакрывав ненужные

теперь комнаты, перестали следить за садом и живут сами по себе, изредка встречаясь за

ужином, лениво разговаривая ни о чем. И главное – в доме теперь отсутствуют детские

голоса, крики при игре в мяч, бескорыстный и заливистый смех, визги при виде лягушки

или мыши, плачь от содранных коленок и сказки на ночь от бабушки после которых так

сладко и уютно спиться.

Капли крови Верховного жреца еще несколько мгновений в задумчивости покружили

перед аркой, а потом решительно ринулись в долину к дворцу-крепости. Подлетев к

одному из овальных окон, они будто подчинившись неслышному приказу

дисциплинированно остановились. Из окна высунулось полупрозрачное щупальце, как

сторожевой пес легчайшими прикосновениями внимательно «обнюхало» кровь жреца, признало своим, после чего защитная голубоватая, мерцающая завеса окна исчезла и

капли, вновь приняв неслышную команду, влетели внутрь дворца-крепости. Там они

стремительно понеслись через коридоры и комнаты, порой напоминающие то тюремные

казематы, то роскошнейшие покои императора. Капли летели через внутренние сады, в

которых росли невиданные никогда людьми причудливые растения с оранжевыми, фиолетовыми и синими листьями. Они двигались через запустение и роскошь, через тлен

давно покинутых странных треугольных и овальных помещений, в которых лежала не

тронутой пыль веков, и проносились мимо статуй, которые одаренный скульптор изваял в

виде противоестественного симбиоза древних хищников и людей. Наконец они влетели в

большую четырехугольную комнату, или скорее библиотеку-кабинет в навершие

усеченной пирамиды, и с терпеливой медлительностью закружили перед каменой аркой, встроенной в одну из стен, пространство внутри которой светилось мягким голубоватым

светом. На противоположной стене от арки по всей ее площади хозяин кабинета

разместил непонятную светящуюся объемную карту, состоящую из тысяч шаров, которые

были соединены между собой множеством блестящих го-

лубых линий. Все эти шары, за

исключением двух приветливо горящих зеленым, мерцали тревожным бордовым цветом.

Вскоре терпеливость капель крови Верховного жреца была вознаграждена. Пространство

внутри арки пошло рябью, и из нее вначале вышел нагой, идеально сложенный

запыхавшийся высокий мужчина с длинными седыми волосами, а затем, спустя несколько

ударов сердца, вслед за мужчиной появилась обнаженная, безупречных форм

очаровательная, но усталая миниатюрная женщина. Мужчина утомленно уселся в одно из

кожаных кресел кабинета, тяжело вздохнул, приглашающе указал на другое кресло

женщине. Затем налил вино из объемистого золотого кувшина, стоящего на причудливом

низком столике из черного гранита, в два хрустальных бокала и уважительно передал

один из них спутнице:

– Все так же безнадежно, Первая Мать?

Женщина покружила вино в бокале, задумчиво пригубила, тоже вздохнула, а потом

поставила бокал на деревянный подлокотник кресла и иронично прищурилась:

– Яр, если будешь называть меня Первой Матерью, то я

просто вынуждена буду тогда

величать тебя Вторым Отцом Великого Дома Ибер. Даже когда мы наедине. И сразу

отвечаю на твой вопрос. Да, все так же безнадежно в моем направлении. Все выходы в

другие миры с Тропы наглухо для меня закрыты. За исключением, конечно – она

небрежно указала на два зеленых шара на карте – этих двух. Это значит, что они закрыты

и для всего Дома. А как у тебя?

Мужчина сделал большой глоток из своего бокала и так же, как его спутница поставил его

на подлокотник:

– Прости, Марта. Что-то я сегодня не в настроении. Потому что как и ты опять не нашел

прохода. Даже малейшей червоточины в моем секторе. Не смог пройти даже через

Изнанку Тропы. Будь проклят этот Дом Пикчу!!

Марта подвинулась к Яру ближе и положила ладонь на его плечо:

– Мы все равно найдем выход, муж мой…

Ее образ как-то мгновенно перетек из образа женщины средних лет в образ

обворожительной юницы, полный тайн и обещаний. И хотя Яр как всегда был готов к

этому изменению и взгляду-улыбке, улыбке, бояться ко-

торую в своих легендах разумные

существа заклинают во всех мирах связанных Тропой, второе его сердце сладко екнуло и

забилось быстрее. Он положил свою большую ладонь поверх ее ладошки на своем плече:

– Дражайшая – ты безумно хороша…

Капли крови жреца, стараясь обратить на себя внимание, не нашли лучшего времени как

стремительно подлететь к этим двоим и закружить перед ними в танце-призыве. Марта

удивленно подняла на них глаза:

– Ого! Просьба о срочной встрече с нашей же Терры, от Нахти – главы грязного клана

Дома из Тукана. Что там у него случилось?

– С Тукана? Нашего прежнего жилища до войны с Домом Пикчу?

– Именно так…

Она протянула ладонь к алым каплям и те, как дрессированная послушная птица

опустились на ее пальцы и мгновенно впитались в кожу, как их и не было. Первая Мать

Великого Дома Ибер на несколько мгновений закрыла глаза, как бы во что-то тщательно

вслушиваясь, потом резко их открыла и пробормотала:

– А дело-то серьезное. На, сам прочитай послание…

На ее ладони внезапно появились несколько капель теперь

уже почти черной крови, которые плавно по воздуху перенеслись к Яру и растворились на коже его руки. Второй

Отец, так же как перед этим Марта, несколько мгновений сидел с закрытыми глазами.

Потом потряс головой, будто сбрасывая наваждение и раздраженно проговорил:

– Безволосые хезуры. Как они до этого додумались? Только же недавно слезли с

деревьев… А ведь надо идти туда, Марта. Дело действительно серьезное, как и

предыдущее у огнепоклонников из Парса. Странно все это. Уж очень все похоже.

Необходимо разбираться на месте. Сколько же мы не были в Тукане?

– У них главная река под названием Геон, если ты не забыл, и они меряют время по ее

разливам. Так вот, судя по их летоисчислению, не появлялись мы там приблизительно

тысячу разливов Геона.

Второй Отец удивленно поднял брови, а затем удрученно покачал головой:

– Как беспощадно время… а кажется, все было только вчера – он еще некоторое время

сидел глядя прямо перед собой, вздохнул и решительно поднялся с кресла:

– Драгоцейнишая, предлагаю на время оставить наши по-

пытки прорваться через барьеры

Тропы и сосредоточиться полностью на Тукане. Тем более, что посетить родину предков

было моим давним желанием.

Марта также поднялась, чарующе улыбнулась, обняла его шею и погладила тонкими

пальцами по виску:

– Конечно, яростный. Только давай не спеша пойдем к проходу, через который к нам

попала кровь жреца. Прогуляемся по саду, полюбуемся цветами ну и, конечно, заодно

обговорим наши планы. Да, кстати, надо не забыть что-нибудь на себя надеть. Насколько

я помню, безволосые хезуры относятся к полной наготе несколько предвзято….

Глава 1

Желто-серая ящерица стремительно взбежала на вершину небольшого бархана, тревожно

огляделась по сторонам, а потом торопливо зарылась в песок. Горячий, обжигающий

смерчик, гонявшийся за жительницей пустыни с полудня, не поймав ее в объятья, раздраженно подхватил маленькую горсть песка, выброшенную лапками рептилии и

бросил ее в лица бредущим между барханами мужчине и

женщине.

Мужчина небрежно отмахнулся от песка и иронично взглянул на спутницу:

– Как тебе опять дышится на родине предков, Марта-суэи?

Женщина в ответ равнодушно пожала плечами, а потом капризно скривила губы, которые

должны были давно потрескаться на такой немилосердной жаре, но почему-то до сих пор

оставались ярко-красными:

– Никак, Яр-хат. И вообще, между нами, как мне кажется, мы могли бы не пользоваться

этими бессмысленными для нас приставками к именам. Я скоро сломаю себе язык.

Мужчина учтиво склонил голову:

– Ничего не поделаешь, незабвенная. Не мне же объяснять тебе значение слова

«необходимость». Было бы смешно…

Он внезапно прервал фразу, остановился и поднял голову к небу. Постояв так несколько

мгновений, мужчина по-звериному вдумчиво понюхал горячий воздух пустыни и снова

повернулся к спутнице:

– Мы пришли, драгоценная… Ты разве…?

Женщина чуть улыбнулась:

– Еще за тысячу шагов отсюда, Яр. Просто ты последнее

время после неудач с Тропой

слишком злоупотребляешь «травой радости», которая не только притупляет нюх, но и

внимание. И ты даже не заметил пограничный столб, который сам и установил – она

небрежно указала пальцем на небольшой обтесанный камень, торчащий из песка.

Ее спутник раздраженно повел плечами, подошел к камню, присел рядом и провел по

поверхности пальцами. Время и солнце неторопливо сделали свою работу. Когда-то

гладкая, отполированная поверхность теперь была покрыта вмятинами и трещинами. А

предупреждающий символ в виде черепа «Хо» – «Дальше только Смерть», которым

предостерегали полудикие западные племена, некогда грозно смотревший с вершины

пилона в три человеческих роста, сейчас едва выглядывал из под песка…

Яр еще раз задумчиво провел по камню ладонью, потом решительно поднялся и угрюмо

взглянул на спутницу:

– Пора приниматься за дело, несравненная… Надеюсь, ты не забыла, что здесь обычное

дело нападать на женщин, если они не местные?

– Да, пора, яростный. И я ничего и никогда не забываю –

женщина хищно усмехнулась -

тебе ли об этом не знать…

После этой фразы они встали друг против друга и начали как бы исподволь, но неумолимо

меняться. Оба сразу как-то стали более усталыми, плечи их согнулись, и даже тонкая

песчаная пыль, казалось бы, опасавшаяся надолго оставаться в их волосах и на почти

обнаженных телах, торопливо решила наверстать упущенное.

Спустя две сотни ударов сердца, среди песков великой пустыни стояли два совершенно

других человека, которые внимательно осмотрев друг друга, устало и тяжело двинулись в

ту сторону, о которой не двусмысленно предупреждал древний символ…

Атсу, второй воин пятого десятка пограничного гарнизона, расположенного на краю

великой пустыни, сегодня был часовым. И часовым откровенно скучающим. Он вчера

опять проиграл две партии в азартной игре под названием «собаки и шакалы», и теперь

десять раз подряд будет расплачиваться за свою порочную страсть, стоя здесь, в

глинобитной сторожевой башне в самые жаркие часы и

наблюдать за пустыней, что бы ее

Сешт опять пожрал.

Часовой с подвыванием зевнул и тряхнул головой, чтобы не уснуть. Солнце пекло

немилосердно и казалось, его беспощадные лучи прожигают даже крышу башни, укрытую

высохшим камышом. От скуки и жары Атсу, облокотившись на хлипенькое деревянное

ограждение, начал напевать нечто заунывно-бесконечное, такое же унылое, как и

подступающие к маленькой крепости пески. Но внезапно, как будто за эту песню пустыня

решила наградить воина, она из-за ближайшего бархана разрешила выйти двум фигурам -

мужской и женской. Эти двое, поддерживая друг друга, еле передвигая ноги, доплелись до

груды камней, лежащих прямо напротив башни, и упали на них от усталости…

Атсу потер глаза от изумления. Фигуры никуда не делись. Воин озадаченно произнес -

«И-е-е» – потом окончательно пришел в себя, и прыгая через ступеньку, стремительно и

рванул вниз, докладывать командиру этого Шу забытого гарнизона.

Командир, как обычно, в это время возлежал возле источника и с тупой угрюмостью

смотрел перед собой. Он, начальник тысячи в столице, был сослан сюда, как утверждали

злые языки, за настойчивые взгляды в сторону гарема Императора. И только благодаря

своим многочисленным и влиятельным родственникам, дело обошлось именно ссылкой. А

ведь вопрос стоял очень остро. Скажем так же остро, как и остр хирургический нож

придворного лекаря, одним движением превращающий ходока и кутилу в очень

осторожного и покладистого евнуха…

Атсу склонился в торопливом поклоне:

– Здоровья, радости, силы – милостивый Джахи.

Командир лениво поднял на него мрачный взгляд:

– Чего тебе, бездельник?

– За стеной мужчина и женщина.

Джахи встрепенулся, как боевой леопард, услышавший удары полкового барабана.

– Женщина?!!

–Да, милостивый. И она, как я сумел рассмотреть, красива, хоть вся в пыли.

Командиру полусотни и его подчиненным уже давно приелись десять рабынь, которых

отряд взял с собой в этот караул на сто восемьдесят восходов Шу. И сменить их не было

никакой возможности. Ну, Сешт бы их побрал, совершен-

но никакой…

Джахи решительно поднялся:

– Эй, вы четверо – он властно окликнул ближайших воинов, лениво чистящих свои боевые

серпы – пойдете со мной.

Повинуясь приказу начальника гарнизона, часовые у ворот чуть приоткрыли створки и

четверка, возглавляемая Джахи, целеустремленно двинулась к двум замершим от страха

фигурам.

Не дойдя до мужчины и женщины пяти шагов, командир полусотни остановился и

внимательно оглядел странную пару. Мужчина, хоть и на голову выше Джахи, да и шире

в плечах, безвольно свесил руки и подрагивал как кролик, угодивший в силки. А

женщина, даже под слоем грязи, действительно была хороша. Да, определенно хороша…

Если ее помыть....

Джахи, не скрывая своих чувств, облизал губы и сделал шаг вперед:

– Кто такие? Как здесь оказались? Быстро отвечать!

Однако при этом он почему-то смотрел только на женщину…

Эти двое из пустыни, не медля ни мгновенья, упали на колени, а мужчина, с дрожью в

голосе, заикаясь, ответил:

– Мы просто бедные странники, милостивейший – здоровья, радости, силы тебе.

Странники, отставшие от каравана…

Джахи, заложив большие пальцы за пояс и выпятив нижнюю губу, масляными глазами

продолжал смотреть на женщину. На ней ничего не было надето, кроме набедренной

повязки и соски ее грудей вызывающе смотрели в стороны. Командир маленького

гарнизона оценивающе прищурился:

– И чего хотите, а?!

Мужчина, еще ниже склонив голову, хрипло прошептал:

– Только воды, светлый и милостивый воин. Больше ничего....

Джахи раскатисто хохотнул:

– За все в этой жизни надо платить, странник. Я дам тебе воды, если твоя женщина – он

сделал движение губами, как будто хотел ими попробовать сладкую, мягкую виноградину,

– пойдет с нами. Впрочем, я могу и не дать ее тебе, а девку забрать силой. И ты тогда

подохнешь в этой пустыне до следующего утра.

Мужчина почти лег животом на песок:

– На все воля божественного Шу. Пусть идет с тобой. Дай только пить.

Начальник гарнизона презрительно сплюнул. Такой здоровый, а сердце как у трусливого

шакала. Отцепив от пояса полупустую тыкву, в которой плескалось немного воды, Джахи

бросил ее к ногам мужчины:

– На, забирай и пошел вон отсюда.

Мужчина, призывая на голову великодушного воина все блага великих богов Тукана, на

коленях подполз к сосуду, схватил его дрожащими руками, дергая судорожно кадыком, начал пить. Потом, не переставая кланяться, и не бросив даже взгляда на спутницу, отполз

за камни, и оттуда опять донеслось бульканье воды.

Джахи взял женщину за подбородок и чуть его приподнял, заставляя смотреть себе в

глаза:

– Давай-ка собирайся, красавица. Обещаю, в течение многих ночей, да и дней тоже, тебе

не будет скучно.

Воины, сопровождавшие командира гарнизона, захохотали, одобряя его незамысловатую

шутку. Женщина, повинуясь воле Джахи, покорно подняла голову и командир встретился

с ней взглядом. Сладкая и горячая волна немедленно прошла по позвоночнику воина и так

ударила в голову, что у него перехватило дыхание. Затем

эта волна, все сокрушающим

потоком вернулась и прошлась по вздыбившимся немедленно чреслам с такой силой, что

командир гарнизона почувствовал в себе что-то древне-жутко-сладкое, превращающее

мужчину в зверя-самца. Самца, готового сражаться за самку с целым миром, а потом, победив этот мир, сразу же овладеть предметом своего вожделения тут же, прямо среди

крови и поверженных тел. Женщина неторопливо поднялась с камней. От ее былой

покорности не осталось и следа. Перед солдатами маленького гарнизона стояла властная, уверенная в себе госпожа, привыкшая к тому, что слуги сломя голову бегут выполнять ее

любое желание по единственному движению брови. Она каким-то образом одновременно

смогла заглянуть в глаза всем воинам сопровождавшим Джахи. Их дыхание сразу

участилось и они, не контролируя себя, схватились за рукояти своих боевых серпов, готовясь вступить в смертельную схватку, каждый сам за себя, за обладание самой

желанной женщиной, которая когда-либо рождалась под светом звезд. Все человеческое, что было нанесено на их личности цивилизацией Тукана, испарилось в один миг под этим

взглядом. Навсегда. Это были уже совсем не люди. Так же

как и Джахи.

Женщина плотоядно улыбнулась:

– Я уверена, великие воины, что мне действительно не будет скучно. Но я хочу, что бы вы

пока не убивали друг друга…

Она, покачивая бедрами, не оборачиваясь, пошла к воротам крепости. Рычащей, воющей

сворой, пятеро, что были только что людьми, ринулись за ней.

Внутрь укрепления женщина вступила как завоеватель. Никто не смог избежать ее

взгляда. А она, непонятно чему смеясь, сбросив с себя набедренную повязку, начала

грациозно плескаться в источнике, вокруг которого и была построена крепость.

Свирепо поглядывая на своих соперников, стая бывших людей сгрудилась вокруг, нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, ожидая любого приказа своего нового кумира.

Вволю наплескавшись, женщина из пустыни, наконец, соизволила обратить на одного из

них внимание. Она, нисколько не смущаясь наготы, светясь алебастровой кожей, вышла

из источника, вплотную приблизилась к нему и, касаясь груди воина своими розовыми

затвердевшими сосками, потрепала по щеке:

– Как тебя когда-то звали, хезур?

Тот, в сладком томлении, опустился перед ней на колени:

– Атсу, несравненная.

Женщина задумчиво еще раз провела ему ладонью по щеке, посмотрела прямо в глаза и

хищно улыбнулась:

– Хочешь меня безволосая обезьяна Атсу?

– Больше жизни, прекраснейшая.

– Тогда начинай убивать, Атсу!! Немедленно!!

Она неуловимо быстро повернулась вокруг своей оси, подняла руки вверх и, смеясь, щелкнула пальцами:

– Начинайте убивать!! Вы, все!! Я буду принадлежать тому, кто останется последним!!

Свора бывших людей лишь одно мгновенье стояла на месте. А потом, рыча и воя от

жажды сеять смерть, они свирепо кинулись друг на друга…

Бывший человек, кого когда-то звали Атсу, одним ударом боевого серпа, снес голову

тому, кто был когда-то его родным братом. Но прожил после этого только пять ударов

сердца, упав разрубленным сразу под ударами трех серпов…

А обнаженная женщина, посреди этой вакханалии убийств, все громче и громче ритмично

щелкала пальцами и язвительно смеялась:

– Вы разве мужчины и воины?!! Да я лучше проведу ме-

довую ночь с вашими шлюхами, чем с вами!!!

Через два десятка ударов ее сердца, все рабыни были вытащены за волосы из клетушки, в

которую они от страха забились, и тут же обезглавлены…

В самом центре воющей, уничтожающей саму себя своры бывших людей Марта, теперь

аритмично хлопая в ладоши, внезапно начала танцевать в каком-то пугающем, рваном

ритме. От ее тела стал отчетливо исходить приторный запах давно увядших цветов, зрачки заполыхали янтарным огнем, вытягиваясь в вертикальную черту, и в них

заплескалась жажда крови хищника вышедшего на охоту. Она танцевала Макабре –

«пляску смерти Разума» Первой Матери Великого Дома Ибер, пляску уводящую любе

мыслящее существо в царство сумасшествия вседозволенности…

Макабре была ужасна как первородный грех и как первородный грех безумно

притягательна. Все звериное, что человек прячет даже от самого себя, она вытягивала из

сознания убивающих друг друга вчерашних друзей и братьев, своими движениями. Ее

тело, в обещании запредельного, гадко-сладкого удовольствия, изгибалось так, как

никогда не смогло бы изгибаться тело человека. Каждый

жест ее животного танца говорил

стае: «Вам можно теперь все чего вы боялись и стыдились. Ничему нет преград».

Вавилонская Блудница, Сестра Лжи так ее мог бы сейчас назвать жрец еще не рожденной

религии из другого мира, подымая в страхе перед собой крест и, в то же время, до спазма

в чреслах, желая очутиться в объятиях этого создания. Но кто знает, появится ли теперь та

религия, да и сам тот Вавилон, после того, как эта женщина очутилась внутри Шу забытой

крепости? Однако давай не будем заглядывать в Книгу Судеб, читатель. Пусть все идет

свои чередом.

Женщина последний раз хлопнула в ладоши, завершив наконец танец, и медленно, из-под

полуопущенных век оглядела заваленный трупами двор крепости. Сейчас это место было

похоже на скотобойню, где закончили орудовать топорами безумные мясники. К ее

удивлению, тот, которого мать в далекой, не этой жизни когда-то назвала Джахи, по

странной прихоти судьбы остался жив. Весь в крови, опираясь на обломок копья, он, пошатываясь от усталости, спотыкаясь об изрубленные тела бывших подчиненных, подошел к женщине и хрипло произнес:

– Я последний. Ты моя!

Она покорно склонила голову ему на грудь:

– Да, великий воин…

Потом чуть отстранилась, нежно-нежно улыбаясь, неуловимо стремительным ударом

вытянутых в живое лезвие пальцев узкой ладошки разорвала ему брюшину и, сомкнув

пальцы, вырвала печень. Невинно глядя в начавшие тут же стекленеть, но еще живые

глаза Джахи, женщина острыми, совсем нечеловеческими зубами откусила ее кусок, а

потом шутливо подмигнула:

– Нет, милый, я тебя обманула, прости…

А затем с силой, которую нельзя было заподозрить в ее хрупком теле, левой рукой

отшвырнула умирающего на другой конец двора.

Сразу же, вроде как дождавшись завершающего штриха этого карнавала убийств, снаружи, по воротам крепости будто ударил таран. От этого удара, тяжелые ворота с

грохотом слетели с бронзовых петель. Но из пыли и мусора, заклубившихся в пустом

проеме, раздались не победные крики внезапно напавших жителей великой пустыни Ха, извечных врагов Империи Тукан, а лишь ворчливый голос Яра:

– Помощь нужна, несравненная?

Женщина, возбужденно покачивая бедрами, вплотную

подошла к своему спутнику, как

бы невзначай касаясь гладким коленом, протянула только что вырванную печень и, целомудренным, щебечущим голосом проговорила:

– Есть хочешь, Яр?

Мужчина вздохнул и укоризненно покачал головой:

– Остынь пока прелестнейшая. Ты же знаешь, пока я сам не захочу, на меня твои штучки

не будут действовать.

Марта похлопала длинными ресницами:

– Ну, хоть попытаться я все же была должна, согласись?

– Несомненно, жена моя. Несомненно. Однако позволь тебе напомнить, что сегодня мы

развлекаться не намеривались. Так что, пора за дело. Все происшедшее должно

напоминать нападение грязных дикарей из пустыни.

Его спутница задумчиво посмотрела на печень, которую все еще держала в руке, потом

решительно ее отбросила и деловито вытерла руки о голые бедра:

– С чего начнем?

Яр обвел двор и помещения крепости оценивающим взглядом:

– Естественно с ослов, ведь за ними мы и пришли. Я займусь ими, провиантом и водой, а

ты собери все побрякушки с трупов. Они нам еще приго-

дятся.

Ближе к вечеру, когда солнечная ладья должна была уже вести великого Шу на отдых, из

проема, оставшегося от выбитых ворот крепости, вышел небольшой караван, состоящий

из двадцати нагруженных ослов. Ведя первое животное за уздечку, мирно и о чем-то

увлеченно беседуя, шли высокий мужчина с длинными седыми волосами и миниатюрная

женщина. Дойдя до вершины первого от крепости бархана, караван остановился.

Мужчина выжидательно посмотрел на спутницу:

– Отсюда?

Та огляделась и коротко кивнула:

– Да, это самое удобное место.

– Животным не повредит?

Марта с недоумением взглянула на своего мужчину:

– Конечно, им это не повредит. Главное, чтобы они не стояли напротив меня. А теперь не

мешай, сделай милость.

Женщина развернулась лицом к крепости и несколько ударов сердца, склонив голову к

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.